

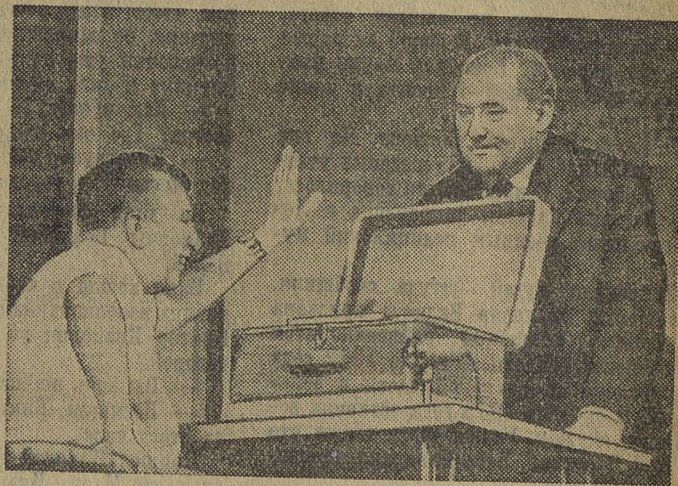
УЖАСНАЯ трагедия человека, перед самой смертью увидевшего, что он жестоко обманут жизнью, обманут надеждой на счастье, которая манила его долгие годы, как призрачный болотный огонек, а когда он выбыл из сил в погоне за этим мерцающим лживым огоньком, люди выбросили его, как ненужный хлам. Страшен строй, рождающий подобную трагедию, общество, в котором простой труженик обречен на всегдашнюю тревогу, нужду и унижения.

Герой драмы прогрессивного американского драматурга Артура Миллера «Смерть коммивояжера»

Вилли Ломен тридцать шесть лет служил фирме, а когда стал стар и бессилён, его вышвыривают на улицу. Пьеса проникнута пронзительной болью, глумом гневом против несправедливости и жестокости капиталистического мира и американского «образа жизни», калечащих человеческие жизни, безжалостно топчущих счастье и достоинство простых людей.

Режиссер Р. Сусловин, поставивший «Смерть коммивояжера» в Ленинградском академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, стремился передать всю глубину социальной и человеческой трагедии, найти своеобразную форму для воплощения произведения Миллера.

Пьеса «Смерть коммивояжера» очень сложна, необычна, и далеко не во всем спектакль удался театру: Не найдены особая атмосфера и ритм эпизодов воспоминаний Вилли. Театрально-схематичная, прямолинейная игра Г. Соловьева (Говард), В. Честнокова (Биф), В. Медведева (Хэппи) плохо уживается с правдивой и сдержанной манерой Ю. Родионова (Бернгард) и Н. Мамаевой (Линда).

ТЕАТР

«СМЕРТЬ КОММИВОЯЖЕРА»

Ю. Родионов убедительно показывает честность и доброту преуспевающего Бернгарда и не менее убедительно раскрывает узость, ограниченность этой честности и доброты. В исполнении молодого актера есть правда и живая мысль. Н. Мамаева играет роль жены Ломена удивительно «бескорыстно», как бы проходя мимо самых выигрышных мест, самоотверженно «растворяясь» в своем партнере—Ю. Толубееве. И это верно, ибо сама Линда живет только преданностью, каждая ее мысль, чувство, дыхание подчинено заботам о Вилли.

Но высшее достижение спектакля—исполнение главной роли лауреатом Ленинской премии Ю. Толубеевым.

Вилли Ломен, старый коммивояжер, разговаривает сам с собой, его посещают видения прошлого, он почти безумен, но Толубеев убеждает, что по природе своей Вилли здоров душой и телом, у него могучие руки и чистая душа ребенка. Но он не может, не должен был быть... коммивояжером. У него слишком сильные руки и слишком наивная душа.

В последнем акте он ночью бродит с мотыгой и фонарем и сажает морковь, он одержим мыслью о том, что, уходя из жизни, должен что-то посеять, не смеет оставлять свою землю бесплодной. А когда Вилли Ломен умирает, о нем говорят: «Он был большой мастер, когда дело доходило до гвоздей и цемента», «У него были золотые руки».

Глядя на Толубеева, веришь всему этому—от него исходит обаяние человеческой силы, у него неотразимая улыбка человека, умеющего быть счастливым от солнца, от ветра, от запаха земли, от ребячьих голосов и смеха. Он должен быть пахарем, рабочим, я не знаю

кем, но только не коммивояжером, то есть не тем, кто «висит между не-

бом и землей», чьи орудия — «закискающая улыбка и до блеска начищенные ботинки».

Вечно гнаться за ускользающим обманчивым призраком наживы и удачи, вечно висеть между небом и землей такой человек не может. Он создан для того, чтобы стоять на земле крепко, прочно, по праву. Но право это отнято, утрачено в погоне за химерами.

Толубеев доводит боль и ярость своего Вилли Ломена до такой трагической силы, что уже думаешь не только о нем, не только о его судьбе. Подобная тож отравляет мозг многих и многих таких вот простых американцев, делает их жалкими безумцами. Они умирают в тоске и недоумении, и ничто не радует их сердце—ни возделанная земля, ни построенный дом, ни даже выросшие дети, потому что и те уже отравлены ложными мечтами, идут по гибельному пути.

Толубеев умеет каждую свою фразу пропитать запахом и вкусом подлинной жизни. Он легко и совсем просто говорит сло-

ва роли, а за ними начинается голубеть небо, прорастать трава, струиться солнечный свет, начинают звучать звонкие ребячьи голоса. Это Вилли Ломен вспоминает о счастливом прошлом. Вы слушаете Толубеева — Вилли и начинаете не хуже его самого видеть все, что его когда-то радовало и печалило, даже все то, что рождалось в его фантазии, было его мечтой. Удивительная осязаемость жизни проступает из-за всех слов, произнесенных рокочущим, низким голосом Толубеева.

Толубеев принадлежит к тем могучим актерам, которые могут одним движением, простым действием рассказать о человеке все, выразить итог и смысл его судьбы.

... Вилли разговаривает с братом Бенем. Брат Бен умер, его нет, но Вилли кажется, что он пришел и говорит с ним. Бен спрашивает его: «Что ты построил? Ну-ка, потрогай рукой?».

Толубеев стоит на авансцене, смотрит прямо перед собой. Его большие, тяжелые, «говорящие» руки начинают трогать, опускаться, очень деловито, сосредоточенно, долго ощупывает пустоту. Нагибается вниз, почти до земли, и, не найдя опоры, качнувшись вперед, делает усилие, чтобы не упасть, выпрямляется, бессильно опускает вдруг ставшие ненужными руки, стоит и растерянно смотрит в пустоту ночи. «А ведь правда, Линда, под рукой ничего нет».

И в этом простом действии, в этих опущенных руках—вся трагедия человека, который, почувствовав приближение смерти, протянул руки, чтобы найти хоть какую-нибудь опору, и наткнулся на пустоту...

Б. ЛЬВОВ-АНОХИН.

□ □

На снимке: сцена из спектакля. В роли Говарда Вагнера—Г. Соловьев, в роли Вилли Ломена—Ю. Толубеев.

Фото А. Глаштейна.

1.VIII.59. 10198